

— Вернёмся. К обеду жители сами вернутся, тогда и спросим. Не поздно.

Похоже, другого выхода и правда не было. Игроки обошли Сун Цунгуана, который, корчась, ползал по земле, и направились обратно в деревню. Проходя мимо, Цзян Сюйбай на секунду остановился и, не удержавшись, пнул его так, что тот тоже улетел в цветочное поле.

Идущие впереди обернулись на него со сложными выражениями.

Цзян Сюйбай как ни в чём не бывало убрал ногу.

— Идём.

Вернувшись в деревню, остальные разошлись по своим домам, а Цзян Сюйбай направился прямо к подножию горы.

Он поднял голову к вершине. Туаньтуань точно был там — Цзян Сюйбай это чувствовал.

С детства его интуиция была необычайно точной. Когда он только что говорил остальным про предчувствие, он вовсе не шутил. Раз сейчас он чувствовал, что Туаньтуань находится в горах, скорее всего, так и было.

Больше не колеблясь, Цзян Сюйбай пошёл вверх. Он двигался вдоль цветочных зарослей. Чем выше становился склон, тем круче была дорога и тем гуще росли цветы. Высокие деревья закрывали солнечный свет, оставляя лес в тени. Наконец Цзян Сюйбай остановился перед храмом.

Даже издалека он чувствовал исходившую оттуда опасность. Вход в храм был наглухо опутан толстыми цветочными лозами. Цзян Сюйбай подошёл ближе, поднял руку. Пальцы несколько раз дрогнули, прежде чем он всё же протянул их к лозам.

Почти мгновенно вся его рука до локтя оказалась плотно опутана. Цзян Сюйбай почувствовал, как из лоз выдвинулись маленькие шипы и впились в кожу. Сначала пришла колющая боль, а затем — совершенно отчётливое ощущение, как из него уходит кровь.

Когда Цзян Сюйбай уже собирался силой выдернуть руку, лозы наконец отреагировали. Шипы то прятались, то снова выдвигались, будто осторожно пробуя его кровь маленькими глотками. Наконец, словно убедившись в чём-то, лозы отхлынули, как прилив. Даже те, что густо переплетались на двери, мгновенно исчезли без следа.

Цзян Сюйбай опустил взгляд на множество маленьких отверстий на руке, из которых ещё

сочилась кровь. Не особенно заботясь об этом, он небрежно вытер её и толкнул дверь.

Старая дверь издала пронзительный скрип. Стоило ей открыться, как изнутри молнией вылетела лоза, обвила талию Цзян Сюйбая и резко втянула его внутрь.

Лоза протащила его через тёмный зал и остановилась в глубине храма. Перед глазами появился чёрный гроб. Чем ближе его подтягивали, тем яснее становилось: лоза росла прямо из гроба.

Перед самым гробом она отпустила Цзян Сюйбая и через щель между крышкой и стенкой втянулась внутрь.

Цзян Сюйбай успокоил дыхание и шагнул вперёд. Оставшиеся снаружи лозы расступились по обе стороны, освобождая ему дорогу.

Подойдя вплотную, он положил ладонь на крышку гроба и слегка толкнул. Казавшаяся тяжёлой крышка начала скользить.

После глухого грохота она съехала вниз, и Цзян Сюйбай наконец увидел лежавшего внутри человека.

Мужчина был одет во всё красное. Кожа — белая, без малейшего оттенка крови. Он лежал так спокойно, будто просто спал.

Глаза закрыты, черты лица словно тщательно выточены самим Создателем. Руки сложены на животе, пальцы длинные и тонкие.

Какая красота.

Хотя Цзян Сюйбай никогда не видел настоящего облика Туаньтуаня, одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: это он.

Неосознанно Цзян Сюйбай потянулся к лицу мужчины. Но рука не успела преодолеть и половины пути, как запястье перехватили длинные пальцы.

Ресницы мужчины в гробу дрогнули. Он медленно открыл глаза — радужки были красными, будто пропитанными кровью.

Мужчина сел, посмотрел на Цзян Сюйбая, склонившегося над гробом, затем перевёл взгляд на нить бус на его запястье. Внутри вдруг возникло странное ощущение, и он невольно нахмурился.

— Почему эта вещь у тебя?

Голос был слегка хриплым, тон — ровным.

Цзян Сюйбай проследил за его взглядом, увидел свои бусы и улыбнулся. Голос сразу стал мягче.

— Так ты сам мне её подарил.

— Я?

Мужчина нахмурился сильнее. Он действительно ощущал на Цзян Сюйбае очень сильный след собственной энергии, но совершенно его не помнил.

Цзян Сюйбай сам сжал ледяную руку мужчины, наклонился и потёрся щекой о его ладонь, словно ласкающийся кот.

— Конечно. Ты мой жених. Я так долго тебя искал и наконец нашёл.

Мужчина смотрел, как Цзян Сюйбай, прищурившись, трётся о его ладонь. Сердце, которое неизвестно сколько времени не билось, неожиданно дрогнуло. Он не отрывал от Цзян Сюйбая глаз, и взгляд постепенно становился темнее.

Из гроба медленно выползла лоза. Усики осторожно качнулись в воздухе, будто пробуя путь, а затем точно обвили талию Цзян Сюйбая. Лоза резко сжалась и втянула его в гроб.

Перед глазами всё мелькнуло, и в следующую секунду Цзян Сюйбай уже оказался в холодных объятиях. В нос ударил смешанный запах старого дерева и лёгкой зелени.

Он машинально поднял голову. Лицо мужчины приблизилось с явным давлением — и в следующую секунду его губы оказались накрыты поцелуем.

Цзян Сюйбай никак не отреагировал. А вот сам мужчина удивился собственному поступку. Он опустил глаза на Цзян Сюйбая, не понимая, почему вообще так сделал.

В тесном пространстве гроба слышались только смешавшиеся дыхания двоих и всё громче бьющееся сердце мужчины.

Слушая, как оно разгоняется, мужчина просто подчинился инстинкту. Одной рукой удержал Цзян Сюйбая за затылок и углубил поцелуй.

Цзян Сюйбай вцепился в одежду на его груди и ответил на этот совершенно беспорядочный поцелуй. Лишь когда губы почти онемели, мужчина наконец отпустил его.

Большим пальцем он провёл по губам Цзян Сюйбая, а затем, словно пристрасившись, снова наклонился и несколько раз легко клюнул их.

— Теперь, даже если я не хочу верить, придётся.

В голосе появилась хрипотца. Мужчина взял руку Цзян Сюйбая и приложил к своей груди.

— Я уже ничего не помню о нашем прошлом. Но по крайней мере сейчас моё сердце бьётся из-за тебя.

Цзян Сюйбай ощутил под ладонью горячие, живые удары и вдруг почувствовал, будто его собственное сердце дрожит в том же ритме.

Он вытянул палец и ткнул мужчину в грудь.

— Но ты всё ещё не сказал, как тебя зовут.

Мужчина поймал его руку и оставил лёгкий поцелуй на внутренней стороне запястья.

— Лу И.

Глядя прямо в глаза Цзян Сюйбаю, он повторил:

— Меня зовут Лу И.

Цзян Сюйбай улыбнулся и тоже назвал своё имя:

— Я Цзян Сюйбай.

Полуденный солнечный свет пробивался сквозь листья, оставляя на земле пятнистые тени. Цзян Сюйбай спустился по горной тропе и, едва открыл дверь двухэтажного дома, увидел Ваньюэ, стоявшую у входа и насмешливо на него поглядывавшую.